

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

А.Н. МЕДУШЕВСКИЙ

Как Сталину удалось обмануть Запад: принятие Конституции 1936 года с позиций политического пиара

Разработка и принятие Конституции СССР 1936 г. привели к созданию фальшивого мифа о демократическом характере сталинского политического режима. Этот миф оказал воздействие как на русское общество, так и на широкие круги западных левых интеллектуалов. Его природа не только в декларативном содержании конституционных принципов, но скорее, проистекает из целенаправленной пропагандистской кампании, в которой искусно использованы технологии политического пиара и интенсивно применены на интернациональном и национальном уровне в ходе так называемого массового обсуждения конституционного проекта. Анализ этих манипулятивных технологий объясняет не только успех самой акции, но и устойчивость сталинского мифа в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: номинальный конституционализм, советский режим, сталинизм, пропаганда, средства массовой информации, Конституция СССР 1936 г.

Советский номинальный конституционализм не имел никакого отношения к реальному обеспечению прав и не препятствовал государственному произволу, но напротив, легитимировал его – принятие всех советских конституций совпадало с усилением репрессий. Особое место среди них занимает Конституция “победившего социализма” 1936 г., принятая в канун “Большого террора” 1937–1938 гг. и ставшая наиболее длительной по времени существования из всех советских конституций [Медушевский 2015]. Она действовала более 40 лет, а пришедшая ей на смену Конституция “развитого социализма” 1977 г. стала скорее модернизацией ее положений, нежели их пересмотром. Очевидно, что устойчивость мифа о “самой демократической” Конституции 1936 г. требует нового объяснения в контексте реконструкции подлинной политической истории советского режима. Реальная роль данного памятника тоталитарной мысли определяется, конечно, не столько содержанием конституционных положений, сколько их ролью в когнитивной трансформации общественного сознания, осуществлением масштабной социальной инженерии.

Ключевую роль в этом процессе играло так называемое “всенародное обсуждение” проекта Конституции 1936 г. – невиданной по масштабам, формам и интенсивности акции направленного внешнего и внутреннего информационного манипулирования. Ее уникальность в истории несомненна: традиционные теократии или абсолютистские режимы не нуждались в такой кампании, поскольку власть в них легитимирова-

Медушевский Андрей Николаевич – доктор философских наук, ординарный профессор Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. Адрес: Мясницкая ул., д. 20, Москва, 101000. E-mail: amedushevsky@mail.ru.

лась божественной волей. Другие тоталитарные режимы рассматриваемого периода также обходились без подобных акций: национал-социалистская диктатура в Германии и фашистская диктатура в Италии были установлены без формальной отмены действующих конституций, а другие авторитарные режимы, если и шли на принятие новых конституций, делали это в основном путем плебисцитов бонапартистского типа (Испания, Португалия, Греция рассматриваемого периода). Что касается либеральных парламентских режимов, то они вообще не обращались к прямым консультациям с народом, видя в этом неоправданное и опасное проявление популизма. В истории России также не было ничего подобного (если не считать широкого обсуждения идеи Учредительного собрания и выборов в него). Происхождение идеи “всенародного обсуждения” Конституции следует искать, однако, не в практике демократических стран, а в институтах традиционного аграрного общества, в частности в крестьянской общине, где основные вопросы решались “всемирно”. “Обсуждение” Конституции внутри страны дополнялось внешней информационной кампанией, причем оба процесса были тесно взаимосвязаны, будучи реализацией единого замысла, который состоял в сознательном введении общества в заблуждение без предварительного уведомления об истинных целях кампании, и отчетливо выраженной со стороны общества (жертвы) просьбы не раскрывать правды, то есть включает объективные признаки обмана (в формах сокрытия и искажения информации, подмены смысла понятий и проч.) [Экман 2010]. Таким образом, “обсуждение Конституции” – инновационная сталинская технология – одна из первых масштабных акций по использованию Конституции для манипулирования общественным сознанием.

Такой подход позволяет по-новому определить роль данной акции как реального инструмента социальной мобилизации в тоталитарном обществе – пропагандистской кампании, осуществленной методами пиар-акции, нацеленной на создание новых коммуникаций, закрепление когнитивных установок, стереотипов и вообще на социальную дрессировку общества в соответствии с новыми правилами игры. Рассмотрение форм, механизмов и организации сталинской акции “внешнего пиара” составляет содержание данной статьи.

Конституция 1936 года: пропаганда в форме пиар-акции

Вопреки широко распространенному представлению данная акция не может быть сведена к политической пропаганде, но должна интерпретироваться, скорее, как своеобразная форма политического пиара. В современной литературе, однако, пропаганда и пиар обычно противопоставляются друг другу по следующим критериям: характер коммуникации (односторонний или двусторонний); форма ее осуществления (монолог–диалог); интенсивность воздействия (обращение к подсознанию или к сознанию); когнитивное воздействие (вера или знание); адекватность информации (ложная–подлинная); задачи (контроль–убеждение); цели (доминирование или партнерство); социальный эффект (диктатура – демократия).

Эта идеальная схема нуждается в корректировке в рассматриваемом случае: во-первых, соотношение двух форм воздействия на сознание на практике часто может быть размытым, включая методы и инструменты обоих; во-вторых, пропаганда и пиар в равной степени работают с общественными коммуникациями, используют одинаковые каналы и средства коммуникации, в конечном счете преследуют сходную цель – внедрение в общественное сознание ценностей, образов и установок (идеи, вещи, услуги, персоналии) в качестве идеальных и необходимых; опираются на сходные технологии управления общественным мнением, преследуя цель выстраивания отношений общества и государственных органов. В-третьих, применительно к рассматриваемому периоду различия пропаганды и пиара вообще не наблюдаются.

Принято считать, что современные технологии пиара формируются уже с начала XX в., но наибольшего развития достигают в США эпохи “Нового курса” Ф. Рузвельта, когда в условиях “Великой депрессии” 1929–1933 гг. возникла необходимость раз-

яснения обществу проблематики трудных социальных реформ. Советник Рузвельта Э. Бернейс именно в это время написал известный учебник – “Пропаганда” (1928 г.), в котором с макиавеллистических позиций доказывал важность пропаганды и техники пиара (его называют “отцом пиара”) [Бернейс 2010]. Их взаимосвязь он усматривал в общности методов (контроль мыслей и подсознания), средств (навязывание обществу определенных стереотипов мышления) и целей (установление контроля над поведением масс политическим меньшинством), чему, в частности, служил созданный им особый институт экспертов по “связям с общественностью”. Разум человека, – согласно данной трактовке (во многом обязанной З. Фрейду, племянником которого был Бернейс), – есть “смесь унаследованных предрассудков, символов, клише и словесных формулировок”; мысли зависят от лиц, умеющих манипулировать общественным мнением, а голос человека в конечном счете – это воспроизводство позиции “лидера, борца, диктатора”, способного осуществлять власть “мастерским использованием пропаганды”. Сходные идеи В. Ленина и Л. Троцкого или Й. Гёббельса о пропаганде не являются аналогом взглядов Бернейса, поскольку не предполагают выхода за рамки тотального информационного контроля и навязываемой индоктринации в форме односторонней коммуникации общественности и власти.

Целью “всенародного обсуждения” в СССР становилось внедрение идеи (образа) новой социальной реальности (“победившего социализма”); документа (конституции как реализованного продукта целенаправленной политической деятельности), а также персоны – апофеоз диктатора. Средством стала кампания, соответствовавшая всем основным параметрам классической пиар-акции (интерпретируемой как “*manufacturing consent*” – “производство согласия”): формулировка проблемы, создание штаба, четкая постановка задач, определение этапов и целевых групп, сбор и анализ информации, мониторинг ситуации, полноценное пиар-сопровождение всех акций, получение вполне определенного ожидаемого социального результата. Виды этой деятельности включали внешний и внутренний пиар; позитивный и негативный; повседневный и проектный; стабильный и атакующий, событийный и сенсационный; их реализацию в различных сферах (социальный, экономический, политический и персональный пиар). Технологии – достаточно рафинированные для своего времени – включали когнитивные, коммуникативные, и резонансные схемы. Сущность этой деятельности – сознательное выстраивание коммуникаций по трем функциям: контроль мнения и поведения общественности; реагирование на новую информацию; закрепление стабильных отношений власти и общества на уровне когнитивной адаптации населения.

Внедрение советского конституционного мифа в политическое сознание западного общества

Внешний и внутренний пиар разделяется по критерию работы с внешними и внутренними организациями. В рассматриваемом случае различие технологий определялось степенью контроля над информацией – обращением к зарубежным (неконтролируемым) и внутренним (тотально контролируемым) СМИ. Задача заключалась в том, чтобы выстроить непротиворечивое соотношение продуцируемых образов советского режима и его Конституции. Обращение к сводным материалам иностранной прессы позволяет реконструировать те представления о Конституции, которые внедрялись в западное общественное сознание и стали его достоянием. Это сводка – “Материалы американской прессы об СССР (проекте новой Конституции СССР) 1936”, присланная из Полпредства СССР в Вашингтоне 20 июня 1936 г. и содержащая обзор центральных и региональных газет (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 3)¹. Особая часть документа отражает позицию провинциальной прессы (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 25). Время всех комментариев – июнь–июль 1936 г., когда “вся провинциальная печать США откликнулась на проект новой конституции СССР передовыми статьями” (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 26). Эти материалы позволяют раскрыть ряд особенностей восприятия Кон-

¹ Здесь и далее приводятся материалы Государственного архива Российской Федерации. В скобках к цитатам даны номера фондов, описей, дел, листов.

ституции – те клише, которые (при активном участии советских внешнеполитических информационных служб) получили преимущественное распространение; методы разрешения спорных ситуаций; технологии пиар-акции в западной прессе.

Первое – удалось добиться создания у западной общественности представления о радикальном изменении политической системы – переходе от диктатуры революционного периода к демократии западного типа. “Нью-Йорк таймс” в передовой о “советской демократии” констатировала “поворот Советов к демократии”, объясняя это растущей уверенностью в силе, ростом национализма и поиском союзников среди западных демократий против Германии и Японии (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 3). В статье “Советский либерализм” та же газета отмечала, что в проекте Конституции “выпущены слова о мировой революции и империалистическом заговоре” и “во многих отношениях этот документ может быть приемлем для любого демократического государства” (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 3). Другие газеты писали: “Начав с идеи чистого коммунизма, с идеи распространения революции во всем мире и приведения всех народов под единое красное знамя, Россия забросила или коренным образом изменила свой первоначальный план” (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 7).

Второе – внедрялось представление о рецепции в СССР западной трактовки прав человека и полноценных институтов парламентаризма и конституционализма. Республиканская газета “Вашингтон пост” в передовой статье “Россия на пути к демократии” констатировала: “С настоящего времени, если только реформы будут претворены в жизнь, личность в России не будет больше нулем и жертвой неограниченного произвола властей; она будет наделена гражданскими правами, которые ни полиция, ни суд не будут иметь права нарушать” (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 5). Была достигнута цель внедрить в западное сознание концепцию о торжестве идеи и институтов парламентаризма в советской России на фоне отказа от него в других европейских странах. “Вашингтон стар” в статье “Меняющийся мир” подчеркивала: “Сталин и его коллеги поразили мир, провозгласив отныне СССР парламентской страной. Такая перемена происходит в советском государстве в период, когда повсеместно усиливается тенденция уничтожить институт парламентаризма” (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 7).

Наглядно демонстрировались элементы формального сходства советской Конституции с западными аналогами, в частности – с английской, французской и американской: “Инкувайпер” (Цинциннати, штат Огайо) в передовой статье “Русская демократия” отмечала: “В период, когда в ряде стран уничтожается самоуправление, приятно констатировать, что вожди Советского Союза... намерены установить демократическую систему взамен диктатуры, осуществлявшейся в начале красной революции. Новая русская конституция, ныне законченная разработкой, свидетельствует об искренности этого намерения”. “Новая схема власти в Советском Союзе является почти копией с английской и французской, а по некоторым своим чертам она очень напоминает американскую систему...” (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 26). Констатировалось сходство советской Конституции с американской. Журнал “Литерари дайджест” считал: “Принципы Сталина в значительной степени базируются на принципах американской Конституции и английской великой хартии” (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 19). Сталин сравнивался с отцами-основателями американской демократии: “Таймс” (Чикаго) в передовой статье “Шаг вперед и шаг назад” заявлял: “Возможно, что спустя 50 лет нынешнее молодое поколение России будет чтить Сталина как одного из родоначальников истинной демократии. Они будут, возможно, читать о нем в своих исторических учебниках, подобно тому, как наша американская молодежь читает о Вашингтоне, Джефферсоне, Мэдисоне, Адамсе и других родоначальниках американской республики” (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 27).

Третье – было предложено внешне убедительное объяснение радикального поворота в советской политической системе, представленного как логическое завершение большевистской революции. Эта задача достигалась принятием общей концепции угасания революционных циклов по исчерпанию их деструктивного потенциала. В этой логике спонтанный поворот режима вправо выступал логическим завершением его эволюции. “Чикаго трибун” в передовой “На пути к свободе” констатировала: “Кон-

ституция представляет собою разительный скачок вправо. Это означает практический отказ от наиболее священных догм коммунистической веры” (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 11). Выстраивая аналогию с «“Термидором” Французской революции», “Таймс пи-кею” (Нью-Орлеан, шт. Луизиана) в передовой “Эволюция России” писала об отличии идей новой Конституции от аутентичного марксизма-ленинизма: “Мысль о том, что Россия неожиданно становится полноценной демократической страной, кажется нам сейчас ошеломляющей, хотя быть может Россия уже шла к этому в течение последних двух десятилетий. Примерно столько же времени прошло между Францией периода гильотины и теми днями, когда империя Наполеона достигла своего зенита. Россия как страна действительно конституционная, – это, возможно, только мечта. Но все-таки, происходящая перемена не менее ошеломляет, чем разница между нынешним режимом в стране и царским режимом” (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 28).

Объяснение вынужденного “правого поворота” связывалось с внешними и внутренними трудностями советского режима: “Нью Йорк сан” (республиканское издание) в передовой “Демократия в России” считала, что проект новой Конституции “представляет собой дальнейший шаг СССР по направлению к демократии”, с оговоркой: “Но, возможно также, что это только жест, рассчитанный либо на преодоление внутренних затруднений, либо на эффект вовне” (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 9). Эти аргументы преследовали и другую цель – нейтрализацию критиков режима в эмиграции, поскольку были вполне созвучны с представлениями части белой эмиграции (типа Н. Устрялова) и даже внутрипартийной оппозиции, объяснявшей Конституцию 1936 г. термидорианским перерождением режима (Л. Троцкий) [Троцкий 1991, с. 213–225]. Тезис о Термидоре позднее получил наиболее широкое распространение у бежавших на Запад советских чиновников [Беседовский 1997].

Организаторам кампании удалось предложить приемлемые для Запада мотивы принятия Конституции. По мнению западной прессы, основным мотивом стала реставрация капитализма. В “Ивнинг уорлд” (Блумингтон, шт. Индиана, издание демократов) в передовой “Новая русская система” читаем: “Новая конституция смахивает на возврат к капиталистической системе, столь ненавистной коммунистам... Весь мир, наверно, проявит осторожность при окончательной оценке этой перемены и предпочтет судить о ней на практике” (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 42). Другим мотивом предстало изменение социальной структуры общества в направлении гражданского равенства. “Крисчен сайенс монитор”: “Советский крестьянин выигрывает от новой конституции. Заводские рабочие лишаются господствующей роли в политике, классовые различия уничтожены. Но Сталин сохраняет свое твердое руководство” (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 43). Отмечались уступки национализму в регионах. Журнал “Тайм” в разделе “Заграничные новости” отмечал: “И в эту конституцию диктатор включил пункт, поднимающий положение его родины – Грузии. Отныне Грузия станет Автономной Федеративной Советской Социалистической Республикой” (журнал “Тайм” от 22 июня 1936 г. Раздел “Заграничные новости”).

Третьим мотивом выступала комбинация внутренних и внешних изменений, в частности – стремление противостоять фашизму. “Индепендент” (Марфисборо, шт. Иллинойс) в передовой “Россия освобождается” говорила: “Это – наиболее благоприятное сообщение из Европы за последние 10 лет”, отмечая опасность установления фашизма в Италии и Германии (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 42).

Четвертым мотивом признавалось вынужденное принятие демократических норм в условиях постреволюционной стабилизации: “Индепендент” констатировала: “Русские получают теперь все те права и привилегии, которыми американцы обладают уже в течение 160 лет существования их конституции”. “Это показывает, насколько стабильным стало русское правительство. Очевидно, диктаторы почувствовали, что миновала опасность новой революции, которая могла бы грозить низвержением системы власти” (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 42).

Наконец, пятым мотивом принятия Конституции предстало окончание революции в силу достижения ее основных целей, открывающее возможности реальной

демократизации: журнал “Нейшн” от 17 июня 1936 г. в статье Л. Фишера “Новая советская конституция” приходил к наиболее оптимистичной оценке ситуации: “...классовая борьба в СССР закончилась и наступила эра стабильности”. “Внутренний мир, изобилие и прогресс ведут к демократии; что противостоит им, ведет к диктатуре. И Советский Союз в состоянии поэтому без опасности пойти по пути от диктатуры к демократии”. Фишер прогнозировал, что партия “будет постепенно отмирать”; “Советская демократия может уменьшить вероятность мировой войны”. Вывод знаменовал успех пиар-акции: “...коллективизацией, индустриализацией, а теперь и вступлением на путь демократии – всеми этими замечательными своими достижениями Сталин обеспечил себе место в истории” (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Лл. 15–16).

Нейтрализация мнения критиков советского режима и закрепление его позитивного имиджа на Западе

Одной из задач кампании стала нейтрализация мнений скептиков, последовательно отодвигавшихся на периферию дискуссии. Было бы неверно утверждать, что в западной прессе совсем отсутствовала постановка вопроса о соотношении имитации и реальности – эта тема зафиксирована в независимых (не принадлежащих к республиканской или демократической партиям) изданиях, но не получила последовательного развития. Имитационный характер “демократических” изменений отмечался критиками: В “Курьер джорнал” (Луизвилл, шт. Кентукки, независимое издание) в передовой “Русская демократия” читаем: “Диктатура сохранится. Народ в целом только с виду будет участвовать в государственных делах...” (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 29). Сомнения в демократичности избирательной системы были вполне осязаемы. “Геральд” (Сиракоз, шт. Нью-Йорк, независимое издание) в передовой “Политический жест России” отмечал: «Политическая партия по-прежнему остается единственной дозволенной политической организацией. Эмансипированным русским будет разрешено выбирать только коммунистов и только открытым голосованием, за исключением какой-то “части” выборных чиновников». Это – “странная система голосования” (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 38). Но такая имитация, – тут же констатировало издание, – может перерасти в полноценную демократию. Полагалось, что невозможность сочетания коммунистического деспотизма и конституции в конечном счете приведет к торжеству последней. “Юнион” (Манчестер, шт. Нью-Гемпшир, независимое республиканское издание) в статье “Новая русская конституция” констатировал: “Сомнительно, чтобы демократизм и коммунизм смогли ужиться, не стремясь уничтожить друг друга. Оба эти идеала несовместимы. Ведь по существу коммунизм – это двойник деспотизма” (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 36). Ситуация неустойчивого равновесия демократии и авторитаризма допускала осторожный оптимизм: “Ивнинг Теннеси” (Нэшвилл, шт. Теннеси, независимое издание) в передовой “Россия увидела свет” задавалось вопросом: “Что все это означает? Является ли это жестом, рассчитанным на поддержку и симпатию демократических государств, или это искреннее признание того, что отныне для завоевания места под солнцем России требуется нечто большее, чем рухнувшая надежда на победу коммунистической системы во всем мире?” (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 40).

Нейтрализация сомнений критиков осуществлялась путем ценностной релятивизации границы демократии и авторитаризма в переходный период. В подобной интерпретации сомнения в реальности демократического перехода имели право на существование: критикуя апологетические аргументы московского корреспондента “Нейшн” Л. Фишера, журнал “Ньюсуик” в статье “Сталин собирается совмещать диктатуру с Конституцией” “выражает сомнение в том, вполне ли готов диктатор Сталин, выработавший закон, броситься в политическую свалку” (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 17). “Нью-Рипаблик” полагал, что хотя новая конституция – шаг в направлении либерализации, его не следует преувеличивать. “Новое предложение отнюдь не означает отступление от программы социализма. Охрана частной собственности не означает использования частного капитала для эксплуатации чужого труда. Гарантия религиозной

свободы означает, по существу, закрепление существующего положения, при котором церковь терпится, но все меньшая и ничтожная часть молодого поколения подпадает под ее влияние. Свобода слова и печати не означает, что открытая пропаганда частного капитализма будет дозволена; свобода эта означает лишь ее большее ударение на самокритику на базе признания бесклассового общества и общественной собственности на средства производства всеобщим идеалом. Русские коммунисты по-прежнему будут исходить из того, что политическая свобода без экономической справедливости и безопасности является обманом и любой ценой будут защищать свой эксперимент” (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 17).

Достижением сталинского политического пиара выступало признание западной прессой самой возможности демократической эволюции советского режима. В этой ситуации приемлемо выглядел даже тезис о сохранении определенного баланса демократических начал и однопартийной диктатуры. “Юнайтед Пресс Интернэшнл”, комментируя мнения официальных кругов о конституции, пишет: «Решение Советской России установить парламентскую систему власти может означать только смягчение “диктатуры пролетариата”, но не введение демократии в американском и западном понимании этого слова. Хотя парламенту предостается значительно большая власть, чем нынешнему съезду советов и хотя парламент освободился от диктатуры коммунистической партии, он все-таки будет лишь штамповать политику, заранее намеченную Сталиным и другими членами всемогущего Политбюро» (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 12). Вполне приемлемым оказывался и тезис о некотором смягчении диктатуры, в ходе которого демократия ведет к ослаблению партийного контроля. “Ивнинг джорнел–Эври ивнинг” (Вилмингтон, штат Делавер, независимое издание) в передовой “Демократия в России?” терялось в догадках: “Насколько возрастает эта народная власть – трудно еще сказать, но партия, очевидно, не собирается отказываться от роли фактического вождя России. Демократия в нашем понимании этого слова, как и свобода, еще не наступили в России. Возможно, что дело окончится только некоторым ослаблением контроля” (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Лл. 26–27).

Закрепление позитивных оценок осуществлялось в рамках так называемого сенсационного пиара. Ключевым его положением выступала тема о невиданной в истории акции добровольного отказа от диктаторской власти: “Нью-Йорк геральд Трибюн” (республиканцы) в передовой “Советы на пути к свободному правительству” делал “ошеломляющие выводы”: “...либо диктатура Сталина сама выразила готовность привлечь весь русский народ к участию в управлении государством, либо была вынуждена к этому. Но этот акт, в особенности, если он был добровольным, является чем-то новым под луной. Действительно, когда в истории случалось, чтобы деспотизм по своему собственному желанию отказался от методов угнетения? Новая конституция предусматривает такую структуру власти, которая во многих отношениях напоминает нашу” (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 4).

Республиканская газета “Вашингтон пост” в передовой статье “Россия на пути к демократии” констатировала: “Если новую Конституцию России, только что утвержденную ЦИК, истолковать буквально, то советский режим является первой в истории диктатурой, добровольно себя демократизирующей” (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 5). “Таймс пикеюн” (Нью-Орлеан, шт. Луизиана) в передовой “Эволюция России” писала: “Мысль о том, что Россия неожиданно становится полноценной демократической страной, кажется нам сейчас ошеломляющей, хотя быть может Россия уже шла к этому в течение последних двух десятилетий” (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 28). “Юнион” (Манчестер, шт. Нью-Гемпшир) в статье – “Новая русская конституция” подчеркивал: “Движение бронированной диктатуры по направлению к демократии – это поистине феноменальное явление, ибо безраздельная власть обычно добровольно не сдается” (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Лл. 35–36). “Литерари дайджест” обращала внимание на кампанию всенародного обсуждения Конституции в СССР: “Сталин сделал широкий жест, предложив русскому народу высказаться по поводу новой конституции. Он проникся новыми идеями, цель которых повернуть Россию в сторону демократии” (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 19).

В какой мере западный опыт был использован при разработке Конституции?

В ходе разработки проекта Конституции действительно были предприняты усилия по достижению его максимального внешнего сходства с конституциями западных стран. В рамках Конституционной комиссии, возглавленной Сталиным, была образована специальная группа по сбору и анализу иностранных конституций и законодательных актов. В ходе первого заседания Комиссии было принято решение: “Обязать т. Радека организовать перевод и издание существующих конституций и основных законоположений главных государств как буржуазно-демократического типа, так и фашистских, и разослать их членам Конституционной комиссии”. Предписывалось “обязать тт. Бухарина, Мехлиса и Радека организовать обстоятельный юридический разбор конституций основных буржуазных стран на страницах печати” (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81. Л. 2). Члены Комиссии Н. Бухарин и К. Радек возглавили подкомиссии по правовым вопросам и избирательному праву, соответственно. “Пересмотр советской конституции, – констатировали официальные комментаторы, – вызван переходом к формам, предвиденным в старых демократических конституциях, как, например, прямое, тайное и равное голосование”, но “эти формы у нас наполнены совершенно другим содержанием и служат совершенно другим целям” [Конституции... 1935, с. 5]. С этих позиций основное внимание разработчиков было направлено на анализ тех проблем советского права, которые вызывали наибольшую критику на Западе – прав гражданства, избирательного законодательства, федерализма и структуры парламентских институтов.

При решении проблем гражданства предстояло найти компромисс между его международной и классовой трактовкой. Рекомендации по этим вопросам представлены в докладной записке подкомиссии внешних дел (руководитель – М. Литвинов) в Конституционную комиссию от 3 декабря 1935 г. “При составлении статей новой конституции, имеющих отношение к внешним делам, Подкомиссия исходила как из действующего советского законодательства по этим вопросам, так и из учета круга вопросов, затронутых в конституциях иностранных государств” (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81. Л. 60). “Круг этой тематики в новой союзной Конституции”, отмечали авторы, предполагает учет западных норм (конституции Веймарская, Финляндская, Чехословацкая, Югославская), поскольку они “уделяют значительное внимание вопросам параллельного существования союзного и республиканского (там, где этот вопрос возникает) гражданства, вопросам приобретения и утраты гражданства”. “В конституциях регулируются также такие основные проблемы, как обязанность государства оказывать своим гражданам внешнеполитическую защиту (Австрия, Германия, Югославия), воспрещение выдачи лиц, совершивших политические деяния (Испания, Румыния), и своих собственных граждан (Австрия, Германия, Югославия). Наконец, некоторые страны (Румыния) и конституции оформляют известный многим законам о гражданстве запрет поступления на государственную службу стран без разрешения своего правительства” (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81. Лл. 94–96).

На этой основе был предложен ряд норм о союзном гражданстве: “Одновременно было бы полезно в конституционном же порядке урегулировать два вопроса, имеющие отношение к режиму иностранцев: а) вопрос о предоставлении им общей правовой защиты и б) о круге открытой для них деятельности. Этим вопросам касаются несколько иностранных конституций (Афганистан, Румыния, Финляндия)” (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81. Л. 97). Была предложена формула, подводящая баланс интернациональным и классовым установкам: “СССР предоставляет право убежища иностранным гражданам, подвергающимся преследованиям за защиту интересов трудящихся или национально освободительную деятельность, за исключением лиц, виновных в индивидуальном терроре (второй вариант: за исключением террористов)” (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 4. Л. 26). Отказ от поддержки террористов выглядит несомненной новацией в рамках “классовой” трактовки права. Прагматический аспект проблемы заключался

в том, какое ведомство будет осуществлять взаимодействие с западными институтами. Формула о том, что “все сношения СССР с иностранными правительствами и их дипломатическими представителями в Союзе производятся через посредство Наркомата иностранных дел и его органов” была оспорена руководством Наркомата внешней торговли, предлагавшим выделить особую область внешнеторгового взаимодействия в рамках его самостоятельной компетенции (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81. Лл. 101–102).

Провозглашение всеобщих демократических выборов в СССР по новой Конституции предполагало тщательный анализ иностранного законодательства. Особое внимание обращалось на регулирование избирательных прав и их возможные ограничения (что вполне объяснимо существованием проблемы “лишенцев” в СССР). Ключевые вопросы этого ряда представлены в специальной аналитической записке, где сформулированы ключевые проблемы: “Где, в каких республиках и государствах применяется выдача всем гражданам избирательных удостоверений и в каких государствах избирательные удостоверения выдаются только уезжающим с постоянного места жительства (Выписки из закона Германии, “Обнародования министра внутренних дел Чехословакии” от 2.05.1935; Закон о выборах в Стортинг Норвегии от 17.12.1920); в каких государствах и в каких законах прямо указаны избирательные округа в положении о выборах и в каких перечень избирательных округов указан в особом законе (Конституции Норвегии, Германии); в каких законах предоставлено право центральным избирательным комиссиям утверждать окружные избирательные комиссии (Чехословакия – “Обнародование”); в каких законах избирательным комиссиям не предоставлено право отвода кандидатов, поданных с нарушением закона (Германия, Норвегия, Чехословакия); в каких законах предусмотрена и в каких законах не предусмотрена обязанность, при предоставлении списков, одновременного представления фамилий лиц, выдвинувших тот или иной список (Норвегия, Германия, Чехословакия); как определяется категория лиц, лишенных избирательных прав по суду (Германия, Норвегия); кто утверждает состав участников комиссий по голосованию; где окружным избирательным комиссиям не предоставлено право произвести подсчет голосов по участковой комиссии по голосованию в случае сомнительности подсчета голосов (Норвегия, Германия); какой срок предусматривается в разных странах для новых выборов в случае смерти или выбытия депутатов по другим причинам (Франция); какое наказание предусматривается для лиц, нарушивших избирательное право граждан (Норвегия, Франция, Чехословакия, Германия)” (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 20. Лл. 1–33). В этом контексте предметом внимания стали даже положения законодательства о выборах в российское Учредительное собрание (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 20. Лл. 40–43).

Проект Конституции был немедленно переведен на ряд языков – английский, французский, польский, китайский и др. (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 10). Прослеживается подчеркнутое внимание разработчиков к точности юридических формулировок в области федерализма и адекватности их терминологии относительно западных конституций. Характерна дискуссия по этому вопросу, возникшая в связи с телеграммой директора Парижского агентства “ЭСИ” тов. Л. Муссенака, в которой он “сигнализирует” о смысловом расхождении” в употреблении слов “*fédéral*” и “*fédéré*” во французском переводе проекта Советской Конституции и указывает на необходимость пересмотра перевода ст. 13 по 21 включительно. Этот вопрос стал предметом рассмотрения специальной комиссии во главе с А. Вышинским с привлечением экспертов-лингвистов. «Русское слово “союзный” в применении к центральным органам всего Союза ССР, к центральному Правительству Союза и самому СССР, – заключили эксперты, – правильно передано в переводе французским словом “*fédéral*”. Равным образом, слово “Союзная”, в применении к отдельным республикам, входящим в состав Союза ССР правильно переведено французским словом “*fédéré*”. Употребление слов “*fédéral*” и “*fédéré*” в указанных значениях соответствует как общепринятому значению этих слов во французском языке, так и применению этих слов во французской специальной литературе по государственному праву, в Швейцарской конституции 1874 г., во французском переводе Конституции США» (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 10. Л. 21). По словам Вы-

шинского, «слова “*fédéral*” “*fédéré*” правильно употреблены в нашем переводе проекта Советской Конституции (слово “*fédéral*” как соответствующее русскому “Союзный” в применении к отдельным республикам, входящим в состав Союза)» (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 10. Л. 260).

В распоряжении Конституционной комиссии (Кремлевская библиотека) находилась как европейская (соч. А. Эмена, Г. Еллинека, Ф. Лассалья и т.п.), так и старая русская правовая и историческая литература (работы Г. Шершеневича, Г. Евреинова, Д. Петрушевского, публикации Основных законов Российской империи, либеральных конституционных проектов, стенограмм Учредительного собрания), не говоря о предшествующих советских конституциях и законодательствах (собрания советских конституций с поправками в различных изданиях). В интерпретации изменений конституционного строя (как показывают труды Г. Гурвича, П. Стучки, Н. Крыленко, Я. Бермана, Е. Пашуканиса, В. Дурденевского и др.) идеологические мотивы всегда доминировали над юридическими, зарубежному праву отводилась сугубо вспомогательная роль, а в центре внимания находилась логика “советского строительства”. Этот подход доминировал в ходе обсуждения проекта и принятия Конституции 1936 г. [Постановление... 1917–1936, с. 227]. Он исключал официальное признание обращения к иностранному опыту или, тем более, его заимствованиям. То, что для внешней аудитории преподносилось как движение в направлении западных стандартов парламентаризма, федерализма и прав человека, для внутренней – как их прямая антитеза. Внутренней аудитории разъяснялось, что “для понимания тех вопросов, которые поставлены пересмотром советской Конституции, буржуазные конституции могут дать очень мало”, поскольку “служили задачам создания в народных массах иллюзии их участия в управлении капиталистическим государством и маскировали всевластие буржуазии”. Напротив, сталинская Конституция служит развитию “советского демократизма, является действительным средством для еще более широкого вовлечения масс в строительство пролетарского государства, для выявления всех недостатков, для борьбы с бюрократизмом, для коммунистического воспитания десятков миллионов людей” [Конституции... 1935, с. 6].

Результаты кампании внешнего политического пиара

В чем виделось советским аналитикам главное достижение кампании конституционного пиара в иностранной прессе? Сводная аналитическая записка – “Американская пресса о проекте Конституции СССР” – дает ответ на этот вопрос. Прежде всего констатировалось, что данный информационный повод оказался в центре дискуссий, отодвинув внутривнутриполитическую повестку: “Вся американская пресса (за единственным исключением газет Херста) отозвалась на обнародование проекта новой советской конституции передовыми статьями, комментирующими обильные сообщения о проекте, переданные московскими корреспондентами американских агентств и газет. Совпадение опубликования Конституции с разгаром съезда республиканской партии в Кливленде не сумело отодвинуть вопроса о конституции на задний план. Сообщения о конституции фигурировали во всех газетах на первых страницах, рядом с сообщениями о выдвижении Ландона кандидатом от республиканской партии в президенты. За продолжительный период ни одно сообщение, касающееся внутренней жизни СССР, не получало в американской печати такого широкого и в общем благожелательного освещения, как сообщение о новой советской конституции” (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 2).

Результаты информационной кампании оказались именно такими, на которые рассчитывали организаторы, закрепив позитивный образ советского режима в условиях мировой политической нестабильности. “Основные положения ампрессы могут быть резюмированы следующим образом: 1) Проект новой конституции является показателем общей консолидации внутреннего положения СССР и признаком уверенности власти в своей силе, а также повышения культурного уровня населения за годы революции.

2) Добровольное самоограничение диктатуры беспрецедентно в истории. 3) Усиление демократии в СССР отрадно, поскольку совпадает с крушением демократии в Европе, в частности, с фашистской диктатурой в Германии и Италии. 4) Советская власть и коммунистическая партия вынуждены признать превосходство демократии над диктатурой; Советский Союз приближается к принципам, являющимся основой общественного строя США; имеется ряд аналогий между конституциями обеих стран (в частности, двухпалатная система). 5) Новая Конституция усилит обороноспособность СССР и его сотрудничество с демократическими странами, не желающими войны. 6) Неизменность однопартийной системы в СССР ограничивает значение реформы. Речь идет еще не о полной демократии, но о серьезном прогрессе демократии за счет диктатуры. 7) Большинство в своих комментариях исходит из непонимания того факта, что новая Конституция является осуществлением основных принципов, провозглашенных Октябрьской Революцией” (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 2).

Наконец, существенное значение имело закрепление позитивного тренда направленным привлечением медиаперсон того времени – лидеров общественного мнения (наподобие Вебба, Л. Фейхтвангера, Л. Фишера, некоторых представителей русской эмиграции) с целью продемонстрировать уникальность советского конституционного эксперимента. С. Вебб по предложению И. Майского даже подготовил собственный проект поправок к Конституции, приняв, таким образом, участие во “всенародном обсуждении” (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 12. Лл. 37–49). “Дитя, родившееся в Октябрьскую революцию 1917 г., – с умилением заявлял он, – пришло в возраст и чувствует свою зрелость”. Демонстрация преимуществ нового строя под его пером шла по линии как критики традиционных западных демократий, так и демократизма принятия нового Основного закона: “Три основные черты новой конституции поражают воображение. Во-первых, ее универсальность. Обоим полам и всем расам, начиная с самой первобытной и самой немногочисленной до самых высокоцивилизованных жителей Москвы или Киева, обеспечиваются одинаковые политические, экономические и социальные права. Во-вторых, призыв ко всему народу, от Балтийского моря до Тихого океана, активно участвовать в выработке основного закона народа. Проект подлежит неограниченному обсуждению всего населения, независимо от цвета кожи или языка, возраста или положения. В-третьих, включение в Конституцию 4-х кратных прав человека. Право каждого человека на вознаграждаемый труд, равным образом определенное право на отдых, не менее ясное право на образование и подчеркнутое право женщины, не в меньшей степени, чем мужчины, на полную экономическую обеспеченность во всех случаях жизни. Ни одна конституция в мире до сих пор не отличалась этими основными чертами”.

Сталину действительно удалось добиться своей цели, учитывая первые оценки Конституции в западной печати и позицию левых европейских интеллектуалов. “В общем и целом, – писал Л. Фейхтвангер, – новая демократическая Конституция, которую Сталин дал Советскому Союзу, – это не просто декорация, на которую можно поглядывать, высокомерно пожима плечами”. “Сталин искренен, когда он называет своей конечной целью осуществление социалистической демократии” [*Фейхтвангер* 1937, с. 52].

Обсуждение Конституции СССР 1936 г. в западной печати – пример чрезвычайно успешной информационной кампании сталинского режима. Однако схематичное объяснение данного успеха политической неискрушенностью западного общества не выглядит убедительным: природа советской системы была понятна, а последующие ее интерпретации – вполне реалистичны. Важным условием успеха стало выдвигание продуманных аргументов, точное определение времени пиар-акции, совпавшей с национальными дебатами о программе “Нового курса” и проведением выборов в США; использование методики сенсационного и корректирующего пиара. Цена вопроса оказалась очень значительна: на продолжительный срок был закреплен позитивный имидж сталинизма на Западе, который оставался вполне непоколебимым даже в ходе кампании массового террора, параллельно начавшейся в СССР.

Миф Сталинской Конституции и советская политико-правовая традиция номинального конституционализма

Очевидно определяющее место Конституции 1936 г. для понимания логики всего номинального конституционализма: она создала его несущую основу и формы легитимации, сохраняя значение советского режима. Чрезвычайно эффективная кампания внешнего и внутреннего пиара способствовала созданию успешного мифа о “самой демократической Конституции”, оказавшегося настолько прочным, что его отзвуки слышны до настоящего времени. Этот миф стал основой легитимности советского режима, что крайне затрудняло его пересмотр в рамках советской идеологии. Попытки такого пересмотра, как ни парадоксально, были связаны с преодолением именно тех параметров сталинской конституционной модели, которые определялись стремлением придать ей внешнее сходство с западными парламентскими режимами, в чем усматривался отказ от аутентичной советской концепции, определявшейся эвфемизмом “ленинских принципов конституционного строительства”.

Наиболее серьезная из них имела место в период “оттепели” начала 1960-х гг. и была связана с предполагавшейся разработкой проекта новой “коммунистической” Конституции 1964 г. (которая не была принята) [*Медушевский* 2013]. В аппарате Верховного Совета СССР были собраны значительные аналитические материалы по данному вопросу (Ф. 7523. Оп. 131. Д. 2). Завершением этой работы стал сводный документ – Докладная записка тов. Брежневу Л.И. (Председателю Президиума ВС СССР) – “Некоторые данные о подготовке Конституции СССР 1936 года и рассмотрении этих материалов у Сталина” (Ф. 7523. Оп. 131. Д. 1. Лл. 16–55).

По результатам этих исследований аппаратом Президиума ВС СССР была представлена критика сталинской Конституции по тем направлениям, которые рассматривались в качестве приоритетных в эпоху “оттепели”. Критические аргументы суммированы в записке – “Некоторые вопросы Конституции 1936 г. в свете культа личности И.В. Сталина” (21.10.1962) (Ф. 7523. Оп. 131. Д. 2. Лл. 73–94). Во-первых, стала доминирующей идея о несоответствии Конституции 1936 г. так называемым “ленинским нормам”: “Конституцию 1936 г., – писал автор записки (Л. Мандельштам), – можно условно назвать сталинской в том смысле, что она включает некоторые установления, которые не находятся в соответствии с ленинским принципом государственного строительства. Сыграв на определенном этапе свою положительную роль, Конституция 1936 г. ныне превратилась в тормоз дальнейшего развития советской демократии” (Ф. 7523. Оп. 131. Д. 2. Л. 75). Во-вторых, ее принципы были признаны нежизнеспособными: “Если бы строго соблюдать требования Конституции 36 г., то работа высших органов государственной власти, например в области законодательства, зашла бы в тупики, тем самым был бы нанесен ущерб интересам государства”. В-третьих, констатировалось, что она не соответствовала действительности, ибо практика развивалась вопреки нормам: “Но жизнь опрокинула некоторые барьеры, поставленные Конституцией, и государственная практика стала развиваться вопреки требованию конституционных норм” (Ф. 7523. Оп. 131. Д. 2. Л. 76).

Основные недостатки Конституции 1936 г. усматривались в уступках западной концепции парламентаризма и разделения властей и сводились к следующим. 1) Отказ от непосредственной демократии (Съездов советов) в пользу представительной модели власти – “советский парламентаризм” интерпретировался как уступка “буржуазной теории” разделения властей; 2) Смешение партийных и советских институтов. Была восстановлена из небытия формула VIII съезда РКП(б) по организационному вопросу: “Смешивать функции партийных коллективов с функциями государственных органов, каковыми являются Советы, ни в коем случае не следует. Такое смешение дало бы губительные результаты, особенно в военном деле. Свои решения партия должна проводить через советские органы, в рамках Советской Конституции. Партия старается руководить деятельностью советов, но не заменять их” (Ф. 7523. Оп. 131. Д. 2. Л. 127).

3) Отмечались отступления Конституции 1936 г. от логики советского федерализма: “Конституция СССР 1924 г. относилась к ведению Союза ССР установление лишь основ судостроительства и судопроизводства, основ гражданского и уголовного законодательства. Это означало, что союзные республики имели право, руководствуясь такими основами, самостоятельно определять судостроительство и судопроизводство и издавать собственные гражданские и уголовные кодексы. С принятием Конституции СССР 1936 г. Союзные республики лишились этого права, так как законодательство о судостроительстве и судопроизводстве, а также издание гражданского и уголовного кодексов было отнесено Конституцией к исключительному ведению Союза ССР” (Ф. 7523. Оп. 131. Д. 3. Лл. 109). В результате была поставлена под сомнение аутентичность Конституции мифическим “ленинским нормам”. С этим связана попытка их последовательной реконструкции (Ф. 7523. Оп. 131. Д. 3. Лл. 98–142), для чего суммировался массив партийных решений и высказываний Ленина по вопросам советской Конституции (Ф. 7523. Оп. 131. Д. 3. Лл. 143–174).

Однако, критикуя Конституцию 1936 г., советские юристы не смогли противопоставить ей ничего другого. Эта Конституция определенно выразила советский режим на пике формы. Трудность ее пересмотра упиралась в следующие причины: она сформулировала суть советской диктатуры; довела до предела разрыв идеологических форм и политической реальности; создала основу мобилизационной экономики; легитимировала социальный переворот, закрепила подразумеваемую роль партии и вождя. Этим объясняется ее логическая цельность и своеобразная эстетика сурового имперского минимализма. Конституция 1936 г. оказалась самой длительной по времени существования в истории советского номинального конституционализма.

Исчерпание конституционного мифа и попытки его ревитализации

“Западный ингредиент” легитимирующей формулы советского конституционализма заложил труднопреодолимое имманентное противоречие ее принципов, порождая возможность неконтролируемой интерпретации их смысла. Основной вызов существованию Конституции 1936 г. не мог исходить изнутри системы, не готовой поставить под сомнение основополагающие принципы своего существования. Он шел извне и состоял прежде всего в идеологии прав человека, расширявшей сферу своего воздействия в глобальной перспективе. Поворотным пунктом стали принятие “Всемирной декларации прав человека” (1948 г.) и “Европейской конвенции прав человека” (1950 г.), последующие изменения в международном и конституционном праве.

Советская конституционная доктрина, опиравшаяся на классовую теорию права, не сразу осознала данный вызов. В записке “О некоторых буржуазных конституциях” (Ф. 7523. Оп. 131. Д. 3. Лл. 137–142) констатировалось, что они движутся к укреплению исполнительной власти за счет законодательной: “В период общего кризиса капитализма происходит все более быстрое разложение буржуазной демократии, усиление политической реакции. Поход империалистической буржуазии против демократии находит свое отражение в буржуазных конституциях. В этой связи следует отметить две тенденции: во-первых, изменения конституции в реакционном направлении; во-вторых, углубление фиктивного характера буржуазных конституций”. Примеры – конституции и развитие политических систем Франции, ФРГ, Англии и США по линии усиления исполнительной власти перед законодательной (Ф. 7523. Оп. 131. Д. 3. Лл. 137). Но таков же, по мнению аналитиков, оказался, в сущности, вектор советского конституционализма с принятием сталинской Конституции – ее номинальность не препятствовала централизации власти и управления.

Попытки пересмотра советской модели в направлении “буржуазного парламентаризма” отмечались в новых конституциях стран “народной демократии”, которые стремились отойти от сталинской бюрократической системы. Этот вывод сформулирован в записке “Особенности конституций стран народной демократии”: “Конститу-

ции большинства стран народной демократии, – констатируется здесь, – разрабатывались под влиянием советских конституций, в особенности Конституции СССР 1936 г.” В этих конституциях много общего с действующей советской конституцией. Вместе с тем отмечены элементы новизны. Их представляют “в особенности новейшие конституции, вступившие в действие в 1960 г. (Конституции Чехословацкой социалистической республики, Монгольской народной республики, Демократической республики Вьетнам)” (Ф. 7523. Оп. 131. Д. 3. Лл. 120–129).

Дальше всех по пути ревизии сталинской модели пошли югославские коммунисты. Их опыт представлен в записке – “Подготовка проекта новой Конституции Югославии”. В ней проанализирована работа Конституционной комиссии под руководством Э. Карделя, которая должна была подготовить текст новой Конституции. Основы общественного и политического устройства, права и обязанности граждан Югославии, отмечается в записке, и были до этого определены в двух документах – Конституционном законе 1953 г. и тех главах Конституции, принятой в 1946 г., которые не были отменены после принятия конституционного закона. Исходя из критики советской сталинско-бюрократической системы, с тревогой фиксировали авторы записки, Комиссия выдвинула ряд новых идей: об “отмирании государства”; постепенном, а не единовременном становлении “общественной собственности”; развитии рабочего самоуправления. Согласно данному подходу, государственная собственность при социализме рассматривалась как низшая форма общественной собственности. В югославском проекте записка отмечала расширение роли Союзной народной скупщины (путем наделения ее инициативой в разработке законопроектов и расширения ее функций контроля за деятельностью правительства и других органов управления); положение о том, что никто не может быть депутатом Скупщины или членом Исполнительного веча (правительства) два избирательных срока подряд; “положение о правах человека на рабочем месте” (Ф. 7523. Оп. 131. Д. 3. Лл. 129–136). Все эти идеи воспринимались советскими коммунистами как опасная ересь, однако заставляли задуматься о целесообразности сохранения конституционной модели 1936 г.

Замена Конституции 1936 г. Основным законом “развитого социализма” (1977 г.) вносила мало нового и была скорее тактическим шагом [Медушевский 2014] – средством камуфлировать репрессивную систему в условиях распространения идеологии прав человека (после ратификации СССР Хельсинкских соглашений 1975 г.), придать новый импульс затухающей государственной идеологии, обеспечить дополнительную правовую легитимность Коммунистической партии, вытеснить воспоминание о сталинских репрессиях в условиях растущего идеологического противостояния с Западом.

Значение сталинской технологии конституционного пиара

Конституция 1936 г., будучи вполне фиктивной, заложила основы советского номинального конституционализма на длительный период времени. Юридическая фиктивность Конституции, однако, не отменяла ее вполне реального социального эффекта. Значение документа состояло вовсе не в декларированных принципах, но создании квазиправовой реальности, обеспечивавшей возможность осуществления государством насильственной социальной мобилизации в невиданных ранее исторических масштабах. Достижению этой цели служила кампания по “обсуждению” конституции, которая тотально дезориентировала общество, реконструировала его сознание и структуру в новых категориях, навязала ему ту трактовку основных юридических понятий, которые соответствовали целям репрессивной однопартийной диктатуры. Организация всенародного обсуждения выступает как идеально спланированная пропагандистская кампания в форме внешней и внутренней акции политического пиара со всеми атрибутами ее осуществления. Эта акция уникальна в мировой истории по масштабам, формам и интенсивности проведения. При ее проведении был найден оптимальный баланс внешнего и внутреннего образа власти.

Во внешней среде информационная кампания, построенная по последнему слову американских пиар-технологий, была всецело направлена на устойчивые стереотипы и ожидания западного сознания. Она была ориентирована на те страхи, которые суще-

ствовавали в американском и европейском обществе рассматриваемого периода, связанные с экономическим кризисом, международной нестабильностью и установлением национал-социалистических и фашистских режимов в Европе. Кампания предлагала четкие ответы на основные социальные запросы эпохи “Нового курса”, связанные со стремлением преодолеть разрыв между консервативными правовыми формами и представлениями о социальной справедливости, драматический разрыв которых стал выражением кризиса “Великой депрессии”.

Была предложена такая повестка дискуссии, которая вполне удовлетворяла правящие круги США: представление о последовательном переходе от коммунистической революции к конституционной стабильности, предполагавшем реставрационную или даже “термидорианскую” логику развития советского режима. Демонстрировалось внешнее сходство нового строя с парламентскими и представительными институтами либеральной демократии, что стало особенно значимым фактором на фоне консолидации фашистских диктатур. Это допускало предположение о “доброй воле” сталинского руководства, сверху насаждающего демократию в виде перехода ко всеобщему избирательному праву. Серьезным аргументом в поддержку данной трактовки становился международный аспект дискуссии – позиционирование СССР как союзника Запада в борьбе с новой и чрезвычайно опасной формой экстремизма – фашистской угрозой.

Во внутренней среде в центре внимания оказывалась повестка конституционной реформы, подкрепленная развернутой в СССР кампанией по “всенародному обсуждению Конституции”. “Всенародное обсуждение” сталинской Конституции – акция, которую следует поместить между пропагандой и пиаром в их современном понимании. С одной стороны, это была, несомненно, пропагандистская кампания, направленная на внедрение ложного мифа о “стране победившего социализма”, “подлинной демократии” и “государстве трудящихся”. С другой стороны, это была продуманная пиар-акция, решавшая задачи укрепления нового политического режима. Ее субъектом являлась политическая власть, объектом – вся “советская общественность” и “прогрессивная международная общественность”. Проблема состояла в преодолении когнитивного диссонанса – кризиса ожиданий, связанных с утратой веры в “мировую коммунистическую революцию” путем выхода из революционных потрясений – реализации нового социального контракта власти и общества – стабильность в обмен на активную лояльность. Поэтому методом не могла стать простая индоктринация (пропаганда в узком понимании термина). Требовалось именно превращение информации в коммуникацию, причем это была “двусторонняя” коммуникация, формально предполагавшая диалог сторон и теоретически допускавшая даже корректировку первоначального замысла. О том, что подобная коммуникация действительно имела место, говорит, во-первых, появление “неконвенциональных” (“враждебных”, по терминологии источников) предложений со стороны части общества и иностранных экспертов; во-вторых, необходимость официального разъяснения их “ошибочного” характера; в-третьих, табуизация или психологическое “вытеснение” ряда тем с целью их механического исключения из обсуждения.

С этих позиций проясняются декларативные и реальные цели и задачи кампании: создание новой картины мира – пространства, времени и смысла существования; соотношения идеологии и права в общественном восприятии; конструирование новой социальной реальности – фреймов социальной структуры и иерархии; закрепление новой институциональной структуры; определение когнитивного доминирования правящей группы и культа вождя. Кампания была нацелена на реформативное идеологическое формулы (подмена коммунизма “победой социализма”), перелицовку фасада (“всеобщие выборы” вместо классовых ограничений); реформу политической системы (“советский парламентаризм” вместо прямой диктатуры); соотношения прав и обязанностей (в пользу последних); структуры номинальных институтов власти и ее символов (закрепленных в создании культа личности).

В ходе “всенародного обсуждения” и связанной с ним внешней акции конституционного пиара решалась важная задача – дрессировка общества (в бихевиористском смысле) путем подмены декларируемых правовых норм их трактовкой с искаженным смыслом (знаменитое “двоемыслие”); фиксация социально приемлемого и не-

приемлемого поведения; конструирование образа врага (внешнего и внутреннего) и его стигматизация. В целом выясняется связь принятия Конституции с “Большим террором” – важнейшим инструментом закрепления когнитивного доминирования сталинской элиты. О продуманности социальной техники проведения кампании говорит четкость организации и отчетности, сегментирование информационных потоков для различных целевых групп за границей и внутри страны (народных масс, национальных меньшинств, иностранцев, интеллигенции, эмигрантов).

С позиций политического пиара данная акция должна быть оценена как несомненный успех ее инициаторов, поскольку решила поставленную проблему – выход из кризиса коммунистической утопии при сохранении и укреплении легитимирующей основы режима. Кумулятивное воздействие акций внешнего и внутреннего пиара способствовало созданию мифа о сталинской Конституции как о “самой демократической в мире”. Данный миф оказался настолько устойчивым, что эффективно парализовал все последующие попытки его корректировки в рамках советского номинального конституционализма, а его отголоски дошли до наших дней. Последовательное преодоление этого мифа требует внимательного изучения макиавеллистических технологий конституционного пиара.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бернейс Э. (2010) Пропаганда. М.: Hippo Publishing.
Беседовский Г.З. (1997) На путях к Термидору. М.: Современник.
Конституции буржуазных стран. Т. 1. Великие державы и западные соседи СССР. (1935) М.–Л.: Гос. соц-эк. издат.
Медушевский А.Н. (2013) Коммунизм как социальная утопия и юридическая фикция: проект Конституции периода “Оттепели” (1961–1964) // Сравнительное конституционное обозрение. № 3. С. 144–152; № 4. С. 132–144.
Медушевский А.Н. (2014) Конституция “развитого социализма”: откуда взялся принцип руководящей роли партии? // Общественные науки и современность. № 3. С. 87–97.
Медушевский А.Н. (2015) Основной закон тоталитаризма: Конституция СССР 1936 года как инструмент социального конструирования // Сравнительное конституционное обозрение. № 3. С. 109–126; № 4. С. 84–100.
Постановление Чрезвычайного Восьмого съезда Советов СССР по докладу Сталина о проекте Конституции СССР от 1 декабря 1936 // Съезды Советов в документах. 1917–1936. В 3 т. Т. 3. М.: Юридическая литература.
Постановление Чрезвычайного Восьмого Съезда Советов СССР об утверждении Конституции (Основного закона) СССР от 5 декабря 1936 // Съезды советов в документах. 1917–36. В 3 т. Т. 3. М.: Юридическая литература.
Троцкий Л. (1991) Преданная революция. М.: НИИ культуры.
Фейхтвангер Л. (1937) Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей. М.: Художественная литература.
Экман П. (2010) Психология лжи. СПб.: Питер.

How Stalin Deceived the West: the Adoption of 1936 Soviet Constitution as Political PR-action

MEDUSHEVSKY A.*

* *Medushevsky Andrey N.* – doctor of sciences (Philosophy), tenured professor, the National Research University – “Higher School of Economics”. Address: 20, Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: amedushevsky@mail.ru.

Abstract

The elaboration and adoption of 1936 Soviet Constitution resulted in the creation of the totally false myth about democratic character of Stalinist political regime which influenced Soviet society as well as the broad circles of Western left-wind intellectuals. The nature of this myth derives not only from the declarative substance of constitutional provisions as such but rather from the target-oriented propaganda campaign which skillfully used new PR technologies and their intensive implementation on international and national levels during the so-cold mass deliberation of constitutional project. The analysis of this manipulative technologies explains not only the success of this action but also the stability of the Stalinist myth in a long-term perspective.

Keywords: Nominal constitutionalism, Soviet regime, Stalinism, propaganda, PR-technologies, mass-media, 1936 Soviet Constitution.

REFERENCES

- Bernays E. (2010) *Propaganda* [Propaganda]. Moscow: “Hippo Publishing”.
- Besodovsky G. (1997) *Na putyakh kh Termidoru* [On the Road to Thermidor] Moscow: Sovremennik.
- Ekman P. (2010) *Psikhologiya lzhi*. [The Psychology of lies]. St. Petersburg: Piter.
- Feuchtwanger L. (1937) *Moskva 1937. Otchet o po 'ezdke dliya moikh druzey* [Moscow 1937. The report on a trip for my friends]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
- Konstitutsii burzhuznikh stran [Constitutions of the bourgeois countries]. T.1. Velikie derzhavy I zapadnye sosedi SSSR [Great powers and western neighbors of the USSR]. (1935), Moscow-Leningrad: State. Sots-ek. Izdat.
- Konstitutsii burzhuznikh stran [Constitution of the bourgeois countries]. T.1. Velikie derzhavy I zapadnye sosedi SSSR [Great powers and western neighbors of the USSR]. (1935), Moscow-Leningrad: State . Sots-ek . Izdat.
- Medushevsky A. (2013) Kommunizm kak sotsialnaya utopiya I yuridicheskaya fiktsiya: proyekt Konstitutsii perioda “ottepeli” [Communism as a social utopia and a legal fiction: the draft constitution during the “thaw “] (1961–1964) *Sravnitel'noye konstitutsionnoye obozreniye*, no. 3, pp. 144–152, no. 4, pp. 132–144.
- Medushevsky A. (2014) Konstitutsiya “razvitogo sotsializma”: otkuda vziyalsya printsip rukovodyashiy roli partii? [The Constitution of “developed socialism” : where did the principle of the leading role of the party come from?] *Obshchestvenniye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 84–97.
- Medushevsky A. (2015) Osnovnoy zakon totalitarizma: Konstitutsiya SSSR 1936 goda kak instrument sotsialnogo konstruirovaniya [The Basic Law of totalitarianism: 1936 Soviet Constitution as an instrument of social construction] *Sravnitel'noye konstitutsionnoye obozreniye*, no. 3, pp. 109–126; no. 4, pp. 84–100.
- Postanovleniye Chrezvychaynogo Vos'mogo S'ezda Sovetov SSSR ob utverzhenii Konstitutsii ot 1 dekabr'a 1936 goda [Resolution of the Extraordinary Eighth Congress of Soviets of the USSR in Stalin's report on the draft Constitution of the USSR from December 1, 1936]. *S'ezdy Sovetov v dokumentakh (1917–1937)* [Congress of Soviets in documents. (1917–1936)]. In 3 vols. Moscow: Juridicheskaya literatura.
- Postanovleniye Chrezvychaynogo Vos'mogo S'ezda Sovetov SSSR ob utverzhenii Konstitutsii ot 5 dekabr'a 1936 goda [Resolution of the Extraordinary Eighth Congress of Soviets of the USSR on the approval of the Constitution (Basic Law) of the USSR from December 5, 1936] *S'ezdy Sovetov v dokumentakh* [Congress of Soviets in the documents]. In 3 vols. Moscow: Juridicheskaya literatura.
- Trotsky L. (1991) *Predannaya revoliutsiya* [The Betrayed Revolution]. Moscow: NII Kultury.